

у с. Искорости» (т. IV, стр. 156—162) выясняет возраст стоянки, открытой и раскопанной В. В. Хвойко, а позже изучавшейся Коростенским краеведческим музеем. Он приходит к выводу, что в нижнем слое залегают остатки поселений эпохи позднего азия и начала эппалеолита, а в следующем кверху слое — раннего и затем развитого неолита. Эта стоянка интересна тем, что она имеет четко выраженную стратиграфию, демонстрирующую переход от азия к неолиту.

В сборниках помещены также сообщения, охватывающие различные археологические эпохи. П. И. Борисковский в статье «Некоторые дополнения к археологической карте среднего Поднестровья» (т. IV, стр. 117—131) рассказывает о результатах разведки, проведенной в 1946—1948 гг. на территории Каменец-Подольской, Черниговской и Винницкой областей по обоим берегам Днестра и частично Збруча. Во время работ было обнаружено и обследовано несколько десятков археологических памятников различных эпох: палеолита, неолита и эпохи полей погребений.

В статье А. Я. Огульчанского «Археологические памятники Северного Приазовья» (т. IV, стр. 132—140) сообщается о результатах археологических разведок, которые проводились в период с 1938 по 1948 г. Осипенковским краеведческим музеем в Северном Приазовье. В процессе разведки были обнаружены две стоянки неолитического времени и раскопан курган, содержащий вытянутое погребение, сопровождающееся богатым кремневым инвентарем, а также сделаны случайные находки отдельных предметов (каменная булава, глиняный сосуд).

Три работы не имеют непосредственного отношения к территории Украины. В статье П. И. Ефименко «К вопросу об истоках культуры поздней бронзы на территории Волго-Камья» (т. II, стр. 3—43) рассматриваются вопросы, связанные с анапынской культурой и прежде всего вопрос о ее происхождении. Автор считает, что «так называемая анапынская культура с ее характерными признаками и особенностями сформировалась, вопреки господствующим взглядам, вероятнее всего не на нижней и средней Каме» (стр. 6). В ее создании приняли участие элементы населения, попавшего в Прикамье с востока в результате переселения лесных племен в эпоху, предшествующую анапынской культуре. Последняя, таким образом, «значительно в большей мере является продуктом севера, точнее лесных областей Европы и Азии с ее древним населением, чем продуктом юга», как это предполагали некоторые исследователи (стр. 6—7.)

В исследовании покойного Д. Люстгауса «Торговля лесом в древней Греции (V—IV вв. до н. э.)» (т. II, стр. 86—97) ставится интересный вопрос о значении торговли лесом для экономической и политической жизни страны. Анализируя главным образом литературные источники (Геофраста, Плиния Старшего, Страбона, Полибия и др.) и незначительные археологические находки по данному вопросу, автор показывает, что изделия из дерева были широко распространены как в быту, так и в военном деле. В результате хищнической эксплуатации лесные районы в самой Греции были полностью ликвидированы уже к V в. до н. э. Древняя Эллада «становится страной, лишенной лесов» (стр. 88). Автор, выяснив маршруты лесоторговли, отмечает, что политика греческих государств в значительной степени определялась борьбой за эти маршруты и за господство над лесными областями.

Следует отметить, что статья написана хорошим, ясным стилем, чего, к сожалению, нельзя сказать о многих работах, помещенных в рассматриваемых сборниках.

Короткая, но поучительная заметка И. Г. Пидопличко «По поводу работы А. П. Васьковского и А. П. Окладникова о находке дерева, обработанного человеком» (т. III, стр. 185—189) вызвана тем, что А. П. Васьковский и А. П. Окладников на основании находки куска дерева, обработанного, по их мнению, человеком, делают ряд важных выводов и, в частности, ставят вопрос об очень раннем заселении северо-востока Азии человеком. Между тем И. Г. Пидопличко, изучив это дерево, убедительно показал, что оно обработано зубами молодых бобров! Отсюда становится ясным, что археологи не должны пренебрегать консультацией со специалистами по тем или иным частным вопросам и что чрезвычайно рискованно делать обобщения на основании единичных находок.

В конце нашего обзора отметим, что в IV томе «Археологии» помещены три автореферата кандидатских диссертаций: В. Н. Даниленко «Ниженеолитическое стоянище Круглик как исторический источник» (стр. 173—176), И. Г. Шовкопляс «Супоневская палеолитическая стоянка» (стр. 177—183) и В. А. Ильиной «Памятники скифского времени на Посулье» (стр. 184—191). Наконец, в разделе хроники опубликованы сообщения Е. Рудынской «V научная конференция Института археологии АН УССР» (т. II, стр. 199—225) и И. Г. Шовкопляс «Научная жизнь Института археологии в 1949 г.» (т. IV, стр. 195—202).

Подведем некоторые итоги. Положительные качества рассмотренных сборников бесспорны. Отрадно отметить, что украинские археологи уделяют много внимания вопросам древнейшей истории восточнославянских народов и, в частности, мало разработанной до сих пор проблеме культуры полей погребений. К сожалению, статьи обобщающего характера пока еще недостаточно убедительны по своим выводам. Хочется пожелать, чтобы на страницах «Археологии» появлялись и впредь работы теоретического и обобщающего характера, но вместе с тем необходимо более тщательное обоснование положений авторов. Несомненно также, что рецензируемые сборники значительно выиграли бы, если бы на их страницах публиковалось больше исследований, авторы которых не замыкались бы в территориальные рамки УССР, а шире привлекали материалы братских советских республик и соседних стран народной демократии.

Нам представляется также, что пора уже поставить вопрос о введении в «Археологию», как и в центральных наших археологических изданиях, постоянных отделов дискуссий и обсуждений, а также отделов критики и рецензий. Это значительно оживило бы и сами издания и, несомненно, принесло бы большую пользу археологической науке, так как способствовало бы развитию в ней критики и самокритики. «Общепризнано, что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики»¹, — учит нас И. В. Сталин. Археологи, так же как и ученые других специальностей, должны не только помнить эти замечательные слова нашего вождя, но и постоянно претворять их в жизнь.

Кроме того, мы думаем, что в «Археологии», так же как и в центральных изданиях, следует значительно шире освещать археологическую работу музеев и вузов и хотя бы время от времени ставить вопросы, связанные с преподаванием курса археологии в вузах. Известно, что в многочисленных советских университетах читается такой курс, а в некоторых имеется даже археологическая специализация, в том числе и в Киеве; но опыт этой большой теоретической и практической работы в нашей археологической печати никак не обобщается. На страницах сборников необходимо также публиковать работы по методике полевых исследований и более систематически освещать жизнь научно-исследовательских учреждений в разделе хроники.

В заключение хочется подчеркнуть, что в целом рассмотренное издание представляет большой интерес для исследователей, занимающихся древней историей нашей Родины.

А. Н. Москаленко

«ТРУДЫ СОГДИЙСКО-ТАДЖИКСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИИМК АН СССР И ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА», т. I, под ред. А. Ю. ЯКУБОВСКОГО, МИА, № 15. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1950, 250 стр., тираж 1500 экз., цена 35 руб. 50 к.

Значительный прогресс исторической науки за последнее время сделал насущной потребностью детальную разработку истории ранее угнетавшихся паризмом, а ныне свободных и равноправных народов Советского Союза. Вышедшие за последние годы истории отдельных народов СССР, в частности народов Средней Азии: казахского, узбекского и таджикского, а также подготавливаемое в настоящее

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 34.

время издание истории туркменского народа, проспект которого недавно обсуждался, свидетельствуют о начавшемся уже претворении этой потребности в жизнь. Во всех перечисленных изданиях обращает на себя внимание тот факт, что авторы широко используют данные археологии для освещения ряда сторон исторического процесса (социальные отношения, экономика, культурные и торговые связи, быт, а также вопросы этногенеза отдельных народов), слабо затронутых письменными источниками.

Как известно, область современного Таджикистана не получила должного освещения в письменных источниках. Последнее в значительной мере объясняется тем, что главные исторические события Средней Азии происходили вне Таджикистана и поэтому последний постоянно оставался вне поля зрения авторов, писавших об этих событиях. Да и те немногие известия о Таджикистане, какие имеются в сочинениях древних и средневековых историков и географов, как правило, односторонни. Они затрагивают в основном лишь вопросы политической жизни, почти ничего не сообщая о других сторонах исторического процесса. Ограниченность и односторонность письменных известий по Таджикистану делают данные археологических исследований особенно ценными для его истории.

Первый том «Трудов Согдийско-таджикской экспедиции» вводит в научный оборот новые археологические материалы по Таджикистану. Этот том представляет собой сборник, в который вошли отчеты об археологических обследованиях 1946 и 1947 гг. в бассейнах Верхнего Зарафшана, Кафирнигана и Вахша, а также публикации материалов и отдельные исследования. В соответствии с характером обследованной территории и характером самих статей сборник разделен на три части: 1) Северный Таджикистан (стр. 13—105), 2) Южный Таджикистан (стр. 109—186) и 3) Материалы и исследования по истории культуры Таджикистана (стр. 189—250). Сборнику предпослана краткая вводная статья А. Ю. Якубовского (стр. 7—10).

В вводной статье отмечается близость таджиков с другими народами Средней Азии, особенно узбеками, с которыми таджики были «связаны в прошлом не только многовековой совместной жизнью, общностью культуры и быта, но, в известной мере, и этнически» (таджики — потомки согдийцев, бактрийцев и тохаров, узбеки по Зарафшану, Кашка-Дарье и в ряде городов — отуреченные в языке согдийцы, а затем и таджики). Здесь же утверждается автохтонность таджиков Горного Таджикистана и указывается на этническое различие таджиков северной и южной его частей, которое автор объясняет различием их политических и культурных связей. Южный Таджикистан, в древности входивший в Греко-Бактрийское царство, а затем в Кушанскую империю, был связан культурно как с Мавераннахром, так и с «эллинским и афгано-индийским миром», тогда как политические и культурные связи Северного Таджикистана шли в Согд и Усрушану. Поднимая вопрос о происхождении таджикского языка, А. Ю. Якубовский высказывает предположение — «не является ли таджикский язык языком бактрийцев, который и победил к X в. согдийский язык и его диалекты?». Высказанные в вводной статье положения по этногенезу таджикского народа находят себе подтверждение в материалах сборника.

Первая часть сборника — «Северный Таджикистан» открывается отчетом А. Ю. Якубовского «Итоги работ Согдийско-таджикской экспедиции в 1946—1947 гг.» (стр. 13—55), состоящим из трех разделов. В первом разделе описываются разведывательные работы Верхнезарафшанского отряда в 1946 г., во втором и третьем — результаты раскопок древнего Пянджикента в 1947 и 1948 гг. Распределив осмотренные в 1946 г. памятники на четыре категории: 1) горные замки — укрепленные резиденции мелких правителей, 2) минареты, 3) резное дерево и 4) городище древнего Пянджикента, автор приводит описания замков. Наряду с личными наблюдениями, А. Ю. Якубовский приводит рассказы местных информаторов и описания замков путешественниками XIX в., что в сочетании с приводимыми тут же географическими характеристиками и историческими справками позволяет до известной степени восстановить историческую обстановку того периода. Исходя из собранного на их развалинах материала, главным образом керамики, А. Ю. Якубовский устанавливает время жизни замков: отдельные замки возникли еще в кушанское время (I—III вв. н. э.);

основное большинство их относится к средневековью; притом многие замки бытовали и в послемонгольское время.

Материалы обследования горных замков и связанных с ними открытых поселений позволяют сделать ряд выводов социально-экономического порядка и представляют значительный интерес для истории таджикского народа. Изучая их, А. Ю. Якубовский пришел к выводу, что Таджикистан в период жизни замков делился на ряд отдельных владений, среди которых наиболее значительным было пиянджикентское. В укрепленных замках, расположенных, как правило, «на крутом обрывистом берегу, при впадении горного сая (ручья) в большую горную реку, чаще всего в излучине реки», жили хозяева владений; неукрепленные открытые селения, находившиеся в долинах этих рек, подчинялись замку. Такой характер расселения лишней раз подтверждает наличие феодальных отношений в обществе, оставившем эти замки и селения.

Далее в отчете говорится о минаретах, осмотренных в Захматабаде, Парзе и Фатмеве. Изучение их имеет значение не только с точки зрения истории мусульманского зодчества Таджикистана, но и для истории ислама. Остатки полуразрушенных минаретов являются материальными свидетельствами проникновения ислама в бассейн Верхнего Зарафшана в X в. н. э. Затем дается характеристика памятников резьбы по дереву — резных колонн и михраба. И, наконец, в самом конце первого раздела отчета, на трети страницы (стр. 32) приведены некоторые сведения о городище древнего Пиянджикента. Еще при описании замков, на стр. 23, автор, останавливаясь на посещении развалин Пиянджикента, указывает, что это городище в археологическом отношении является наиболее ценным из всех обследованных в 1946 г. памятников и потому он считает необходимым выделить его рассмотрение в самостоятельный раздел. Однако, говоря о городище, А. Ю. Якубовский ограничивается лишь приведением сообщений арабских географов IX—X вв.: ал-Истахри, ибн-Хаукали и ал-Макдиси — о двух одноименных городах Бунджикентах, один из которых являлся столичным городом Усрушаны, другой был в Согде. При этом остается неясным, какой из упомянутых двух городов А. Ю. Якубовский отождествляет с обследованным экспедицией городищем. Ни о характере городища, ни о работах на нем здесь не упоминается.

Наиболее интересны в отчете материалы обследования пиянджикентского городища (стр. 32—55). По найденным на городище вещам — обол, цилиндрическая печатка с изображением льва, обломок хума с изображением женской головки раннекушанского времени, согдийские и раннеарабские монеты — А. Ю. Якубовский устанавливает, что город возник в кушанское время и просуществовал до середины VIII в. н. э. Замок был обитаем также еще в саманидское время, а в Кухендизе, после продолжительного перерыва в несколько веков, в XV—XVI вв., видимо, стоял военный гарнизон. Таким образом, данное городище представляет остатки города, жизнь которого прекратилась задолго до утверждения феодализма. Детальное обследование его ценно в том отношении, что оно может предоставить исследователям наиболее достоверный материал по среднеазиатскому городу времени перехода от рабовладения к феодализму. Притом история этого города почти не освещена в письменных источниках, а сам он до сих пор археологически не исследован.

Раскопки пиянджикентского городища ведутся уже в течение ряда лет. Открытые памятники архитектуры представляют определенный научный интерес. Раскопанный в Кухендизе замок пиянджикентского правителя служит примером жилых построек среднеазиатского города в переходный к феодализму период. Здания № 1 и № 2 на шахристане, которые А. Ю. Якубовский склонен считать храмами, представляют интерес с точки зрения истории среднеазиатской монументальной архитектуры и истории религиозных представлений местного населения. Все же А. Ю. Якубовский не устанавливает, каковы были эти представления.

Обнаруженные в Пиянджикенте (в 1948 г.) настенные росписи, представляющие отдельные сцены культового характера, являются первой находкой этого рода на территории Таджикистана. Эти росписи — первоклассный источник для изучения живописи таджиков в VII—VIII вв. В то же время они представляют собой источник по материальной культуре таджиков в период арабского завоевания.

Отдельные находки с пиянджикентского городища очень важны и в историко-культурном отношении. Для истории ирригации Средней Азии особенно интересны описания оросительных сооружений пиянджикентской округи. Отчет заканчивается сообщением о раскопках зороастрийских наосов на некрополе Пиянджикента, часть из которых датируется согдийскими монетами VII—VIII вв.

Помещенные в первой части сборника статьи А. И. Тереножкина «Раскопки в кухендизе Пиянджикента» (стр. 81—93), Б. Я. Ставиского «Раскопки жилой башни в кухендизе пиянджикентского владетеля» (стр. 94—99) и А. М. Беленицкого «Раскопки здания № 1 на шахристане Пиянджикента» (стр. 100—105) также дают материалы по истории города в переходный к феодализму период. Перечисленные статьи представляют собой археологические отчеты о раскопках на городище древнего Пиянджикента.

Публикуемые в первом томе «Трудов» материалы археологического исследования Пиянджикента не позволяют еще дать всестороннюю характеристику среднеазиатского города в период зарождения феодальных отношений. Многие стороны жизни города все еще остаются неясными. Так, в материалах сборника совершенно нет сведений об экономической основе города, в частности о состоянии ремесленного производства и его месте в городской экономике. Но ограниченность материала объясняется тем, что обследование древнего Пиянджикента началось недавно; можно надеяться, что дальнейшие работы предоставят сведения, необходимые для решения проблемы города в переходный к феодализму период.

Кроме указанных статей, в первую часть сборника вошла также статья О. И. Смирновой «Вопросы исторической топографии и топонимики Верхнего Зарафшана» (стр. 56—66), где автор, анализируя данные письменных источников и собранные на месте сведения, устанавливает существование определенных связей между обследованными экспедицией караванными путями. Изучение топонимики привело автора к заключению, что в топонимике Верхнего Зарафшана до сих пор сохранились старые названия, почти совсем лишенные тюркских наслоений.

Наконец, здесь же помещен отчет О. И. Смирновой «Археологические разведки в бассейне Зарафшана в 1947 г.» (стр. 67—80) по проведенным ее отрядом четырем маршрутам, охватившим территорию правого и левого берегов Зарафшана и бассейны рек Кштута, Магиана и Фараба. Археологические разведки указанного района позволили «восстановить топографическую карту этого района и составить представление о плотности населения и культурной полосе долины Зарафшана в древности и средневековье».

Вторая часть сборника, озаглавленная «Южный Таджикистан», открывается историческим исследованием А. М. Беленицкого «Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в.» (стр. 109—127). Автор на основании главным образом письменных источников восстанавливает карту хозяйственной и политической жизни области, лежащей в междуречье Вахша и Пиянджа (Хутталя) в период от середины первого тысячелетия до н. э. до X в. н. э.

В следующих двух отчетах А. М. Беленицкого «Отчет о работе Вахшского отряда в 1946 г.» (стр. 128—139) и «Отчет о работах Вахшского отряда в 1947 г.» (стр. 140—146) даются итоги археологического обследования территории средневекового Хутталя: описаны городища и археологические находки, главным образом керамика, собранные на поверхности обследованных городищ и при их шурфовке; отождествлены названия древних поселений, упоминаемых в письменных источниках, с сохранившимися от них развалинами (городище Шахр-и-Мунк Ховалингского района отождествляется с городом Мунком, превосходившим, по сообщению письменных источников, в размерах столицу Хутталя — Хульбук; городище у кишлака Сар-и-Мазар Файзабадского района с городом Ванширдом, городище Лягман — с Хелавердом). Отождествление названий городов, встречаемых в письменных источниках, с современными наименованиями позволит при дальнейшем изучении Таджикистана сочетать данные письменных источников и археологических исследований.

Последним во второй части сборника помещен обстоятельный отчет М. М. Дья-

к о н о в а «Работы Кафирниганского отряда» (стр. 147—186), об археологических исследованиях в долине Кафирнигана и прилегающих районах. Автор отчета, определив задачи и район работ и изложив сообщения письменных источников об этом районе, останавливается затем на описании девяти обследованных им пунктов, среди которых особое место отводит раскопкам некрополя в урочище Туп-хона. Описав подробно как сами погребения, так и вещи, сопровождавшие покойников, М. М. Дьяконов распределяет погребения на четыре типа. Древнейшими из них он считает погребения (тип IV) со скорченными костяками и полагает возможным отнести их к эпохе бронзы. Погребения типа IIIA датируются им I в. до н. э.—I в. н. э., а погребения типа IIIB — кушанским временем (I—III вв.). В обряде последних погребений М. М. Дьяконов усматривает сходство с эллинистическими, предполагая в то же время местное его происхождение. Погребения типов IIA и IIB датируются им предположительно IV—VI вв., а погребения типа I — второй половиной I тысячелетия н. э. Основываясь на сходстве погребального обряда в погребениях III, II и I типов, М. М. Дьяконов устанавливает их «явную преемственность». В заключение М. М. Дьяконов указывает, что в доарабский период в Таджикистане господствующей формой поселения были «замки» — укрепленные общинные поселения типа Хок-и-сафед и Кала-и-шодмон, а с наступлением феодальной эпохи (с VIII—X вв.) «культурная жизнь, ремесло и торговля... сосредоточиваются в больших городах» с территориально-общественным членением на кухендиз, шахристан и рабат.

Третья часть сборника — «Материалы и исследования по истории культуры Таджикистана» начинается статьей В. Л. Ворониной «Изучение архитектуры древнего Пянджикента» (стр. 189—199), где автор ставит своей целью «паметить общую характеристику и местные приемы строительного искусства доарабского периода, с одной стороны, и определить черты архитектуры Средней Азии, — с другой». Проследившая характер и строительные приемы жилых построек Таджикистана и сравнивая их с подобными постройками сопредельных стран, В. Л. Воронина выдвигает положение, что постройки рассматриваемого ею типа, требующие при своем возведении значительной затраты труда рабочих, могли создаваться только в рабовладельческом обществе.

В эту же часть сборника вошли статьи Л. Я. Британицкого «Архитектурные памятники Гиссара» (стр. 199—206) и А. М. Беленицкого «Мавзолей у селения Саят» (стр. 207—209), дающие описания архитектурных памятников Таджикистана феодального периода. Статья В. Л. Ворониной «Резное дерево Зарафшанской долины» (стр. 210—220) представляет особый интерес для истории резьбы по дереву у таджиков.

А. М. Беленицкий в статье «Железный ключ из Пянджикента» (стр. 221—223) использует находку пянджикентского ключа для выяснения символического значения изображенной фигуры на баянайманском оссуарии, которая держит в руке предмет, сходный с пянджикентским ключом. К сожалению, автор не затрагивает тех вопросов, которые, на наш взгляд, нужно было бы ставить в непосредственную связь с этой находкой (например, о технике и о месте его изготовления).

Статья О. И. Смирновой «Монеты из раскопок древнего Пянджикента (1947 г.)» (стр. 224—231) содержит интересные данные по согдийской нумизматике. В статье А. Н. Дальского «Наскальные изображения в бассейне реки Зарафшан» (стр. 232—240) опубликованы памятники «образительной деятельности таджикского народа» — наскальные изображения, являющиеся одним из важных источников для истории культуры первобытно-общинного строя.

Сборник завершается статьей В. В. Гинзбурга «Первые антропологические материалы к проблеме этногенеза Бактрии» (стр. 241—250). Автор, на основании доставленных ему экспедицией краниологических и антропологических материалов, высказывается «об автохтонности таджиков центральной и южной областей Таджикистана», которые, по его мнению, «являются прямыми потомками древнего населения Бактрианы, родственного и родственного с населением Согдианы». Публикация антропологических материалов имеет особую ценность для решения проблемы этногенеза

таджикского народа. В исторической науке до сих пор остается нерешенным вопрос о происхождении таджиков Горного Таджикистана. По этому поводу существуют две различные точки зрения. Сторонники одной из них считают население Горного Таджикистана пришлым, другие же — автохтонным. Публикуемые в сборнике антропологические исследования подтверждают вторую точку зрения и должны будут сыграть определенную роль в разрешении этого спора.

Основным недостатком «Трудов» является отсутствие статьи, обобщающей весь историко-археологический материал, помещенный в сборнике. К числу недочетов сборника следует отнести также отсутствие на картах, помещенных на таблицах 1 и 2, названий средневековых областей, упоминаемых в тексте; отсутствуют также рисунки к предметам, описываемым в отчете Вахшского отряда за 1946 г., что значительно снижает ясность даваемых им характеристик, хотя сами эти характеристики составлены удачно; в ряде случаев при описании вещей отсутствуют указания на таблицы.

В целом сборник содержит материалы, имеющие большое научное значение. Авторы большинства статей на основе новых историко-археологических данных делают убедительные выводы по ряду вопросов истории Таджикистана. Исследования антропологического материала, погребальных обрядов и топонимики убеждают в автохтонности населения Горного Таджикистана; изучение жилых построек древнего Пянджикента подтверждает наличие рабовладельческих отношений в Таджикистане преарабского периода; изучение типа поселений дает возможность констатировать господство феодальных отношений в период после арабского завоевания.

Сборник снабжен большим количеством фотографий, рисунков и чертежей, размещенных на 106 таблицах.

Н. Н. Вактурская

К НОВОМУ ИЗДАНИЮ УЧЕБНИКА «ИСТОРИЯ ГРУЗИИ»¹

Изучение истории многочисленных народов СССР ведется за последнее время с большой интенсивностью и дает чрезвычайно плодотворные результаты. Наряду с широкой научно-исследовательской деятельностью проводится работа по составлению полных курсов и учебников истории различных народов нашей страны. Задача эта является первоочередной, так как по истории многих народов вообще нет никаких обобщающих трудов, а немногие труды буржуазных ученых¹ совершенно устарели и к тому же дают историю в искаженном, даже нередко сознательно фальсифицированном виде. Только советские ученые, вооруженные методом марксизма-ленинизма и пользующиеся новооткрытыми материалами, могут дать подлинно научные, синтетические труды по истории народов нашей Родины. За последнее время опубликованы: «История Таджикского народа» Б. Г. Гафурова, I том «Истории народов Узбекистана» (II том вышел ранее), новое исправленное издание I тома «Истории Казахской ССР», работы по истории Якутии А. И. Окладникова и др. В Академии Наук СССР недавно были обсуждены макеты по истории Украины, Белоруссии, Молдавии, Татарской АССР и др.

Надо сказать, что грузинские ученые ранее других приступили к созданию обобщающего труда и учебника по истории Грузии. Еще в 1940 г. учебник, предваряющий полный курс истории Грузии, был издан на правах рукописи на грузинском языке. После широкого общественного обсуждения текст учебника был исправлен. В 1946 г. учебник по истории Грузии был опубликован и на русском языке. Большие достоинства учебника, составленного виднейшими грузинскими учеными — академиками

¹ Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа. История Грузии. Часть I. С древнейших времен до начала XIX века. Под редакцией С. Джанашиа, Учебник для старших классов средней школы. 2-е исправленное издание, Тбилиси, 1950, 459 стр.

Джавахишвили, Джанашиа и Бердзенишвили, были отмечены нашей научной критикой. Учебник по истории Грузии удостоен Сталинской премии.

На страницах ВДИ (1948 г., № 1) мы подробно рассмотрели те части учебника, которые относятся к древней истории мира. Нам было отмечено все то ценное и новое, что представлял это труд грузинских ученых; мы подчеркнули также его научное значение, выходящее далеко за рамки школьного преподавания. Но наряду с этим мы указали на некоторые спорные и недостаточно мотивированные положения учебника, требующие уточнения и дополнительных пояснений. В 1950 г. вышло в свет 2-е, исправленное издание учебника по истории Грузии. Естественно, что прежде всего было интересно ознакомиться с тем, какие же исправления были внесены в текст ранее рецензированного издания. И тут сразу же приходится сказать, что никаких существенных изменений в текст внесено не было. Особенно это касается разделов, посвященных древней истории. Здесь текст остался в прежнем виде. Не произведено также особых изменений и в иллюстрациях, если не считать, что, к сожалению, не переиздано красочное изображение известного золотого кубка из Триалети. Таким образом, положения, являвшиеся спорными, остаются таковыми и теперь, в новом издании учебника.

Ввиду того, что учебник имеет известное научное значение, на некоторых вопросах, вызывающих замечания, надо остановиться и теперь. Само собой разумеется, что мы будем говорить лишь о разделах, посвященных древней истории и отчасти раннему средневековью. Первые главы учебника написаны крупнейшим специалистом, покойным академиком С. Н. Джанашиа, широкая эрудиция которого общеизвестна. По целому ряду вопросов он высказывает свои собственные соображения, являющиеся результатом специальных изысканий. Но, конечно, в пределах школьного учебника не всегда возможно развить и мотивировать те или иные положения. Большой заслугой авторов учебника надо признать то, что они руководствовались известными замечаниями И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова на конспект учебника по истории СССР, ставящими задачу создать такой учебник, — «где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и, вообще, мировой истории...»¹. История Грузии с древнейших времен представлена в учебнике на широком историческом фоне и связана с основными событиями мировой истории. В большинстве случаев это проведено удачно и убедительно.

Вызывает сомнение, правильно ли, что в учебнике затронут целый ряд сложных и спорных вопросов древней истории Передней Азии. К тому же в учебнике для средней школы и не требовалось поднимать вопросы, популярное изложение которых представляет немалые трудности. Проблемы этногенеза древнейшего населения этих стран в настоящее время усиленно изучаются, но здесь далеко еще не все ясно, и потому вряд ли возможны какие-либо категорические заключения. Необходимо, чтобы в последующем издании книги вопросы этногенеза были разработаны в свете положений классического труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

Некоторые утверждения учебника, касающиеся истории стран древнего Востока, не всегда совпадают с теми новейшими выводами, к которым пришла советская историческая наука. Так, при характеристике хеттов-субаров в учебнике говорится, что законы хеттов были гуманнее, чем законы других народов Востока (стр. 22). Уже в рецензии на первое издание учебника приходилось указывать, что эта трактовка хеттского законодательства, часто фигурирующая в ориенталистике, была подвергнута серьезному пересмотру в статье акад. В. В. Струве «О „гуманности“ хеттских законов» (ВДИ, 1947, № 4). Автор после тщательного и углубленного анализа хеттских законов пришел к выводу, что по отношению к рабам хеттские законы были более жестоки, нежели судебник Хаммурапи. В новейшем вузовском учебнике по истории древнего Востока проф. В. И. Авдиев также отмечает, что хеттские законы относятся к рабам более жестоко, чем вавилонские законы Хаммурапи². О какой же гуманности хет-

¹ «К изучению истории, Сб., М., 1946, стр. 23.

² В. И. Авдиев, История древнего Востока, М., 1948, стр. 291—292.